

16+

А. В. ПИТАТЕЛЕВ

**КАНДАГАРСКАЯ
БРИГАДА**

А. В. Питателев

Кандагарская бригада

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50147094

SelfPub; 2020

Аннотация

Это книга о войне Советских войск в Афганистане, боях-буднях офицеров и солдат знаменитой Кандагарской бригады. В сущности все войны одинаковы, как внутри, так и внешне: красивые лозунги, призывы и наряду с ним кровь и смерть. Почти все в ней подлинное: факты, сцены, но все фамилии изменены, совпадения прошу считать чисто случайными. В ней использованы стихи, высказывания О. Хайяма, В. Морозова, А. Маклина, В. Пикуля и многих других известных людей, а также наши «афганские» песни.

«Память о тех, кто ушел,
чтобы мы остались, – священна...»

Юлиан Семенов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прочитайте, пожалуйста. Оно короткое.

Эта книга про «необъявленную афганскую» войну. Война— тяжелая штука! Па войне часто приходится пить воду из рек, окрашенных кровью, переходить реки по мостам из трупов, терять лучших друзей и соратников, есть траву вместо хлеба...

Это все – война. И не важно, где она. в какой стране или в каком веке происходит. Но все же слава воинская не достается без пота и крови, без гибели друзей, без риска, тягот и мучительного труда. Один окоп что стоит выкопать? А могилу?

Смерть... Что смерть? Она закон природы и великое таинство. Она уравнивает всех: Александра Македонского и простого пастуха или дворника. А ныне ушедшие в забвение политики? Горби, например? Это он объявил «примирение». Какое там примирение?! После указа об одностороннем перемирии блокпосты афганской армии расстреливали на глазах солдат Советской армии. Что это— примирение или предательство? Но солдаты и офицеры сороковой армии воевали как могли.

Трусость никого еще не спасала от смерти. И это они зна-

ли. Страшна не смерть, так как всякий человек смертен. Правильно сказал Марк Твен, автор «Тома Сойера»: «Давайте жить так, чтобы даже гробовщик оплакивал нашу кончину».

Попасть на эту войну... Что это? Судьба? Пет, наверное. Вспоминаются слова Шопенгауэра: «То, что любимыми принято называть судьбой, является, в сущности, лишь совокупностью учиненных ими глупостей». Так было и с персонажем этой книги Андреевым, да и со многими другими. Хотя присяга, обязывающая служить Родине, отдать свой долг, в том числе и интернациональный, приказывает каждому солдату.

Прошло более пятнадцати лет, а в памяти все живо: погибшие друзья да просто— все наши солдаты. Эти воспоминания не дают уснуть. В память обо всех погибших в Афганистане я написал эту книгу.

Автор

Первая глава

ПУТЕВКА В ЖИЗНЬ

Как давно это было. У майора в отставке Андреева до настоящего времени все стоит перед глазами, как будто это было вчера. Нет, как будто киноплёнку прокручивают. Он не может смотреть фильмы про Афган, свои же фотографии, из которых на него смотрит молодой лейтенант. Стоит закрыть глаза – и все возвращается. Начался Афган за год до окон-

чания училища. Андреев, Кубанов, Алиев. Зинченко сидели в садике, пили молоко. Не подумайте ничего плохого, на самом деле молоко. Курсантам всегда хотелось есть. Сквозь дырки в заборе (красивый такой, каменный) вдруг видят – «Фужер», т.е. Сашка Горшков, 1981 года выпуска. «Алла, иштиир сан? Санька, ты ли это? – заорали все. – Перелазь».

– Неудобно, все-таки офицер.

– Да брось, на улице никого нет.

В конечном итоге, сели в садике, разговор о том, о сем. А он весь смуглый, волосы белые, то ли выгорел, то ли поседел. Говорит мало и вообще какой-то не такой, замкнутый. А ведь был Сашка – оторви и выбрось, кровь с молоком. Договорились встретиться вечером.

После третьей, за погибших, он разговорился. Оказывается в Афгане-то война! Рассказал, как погиб его однокурсник – Мамедов Алик. В ответ – тишина. Вроде все поняли, но принять и поверить никак не могли, ведь погиб один из своих. Сидели недолго, разошлись все в раздумьях. Сашка был где-то в облаках, дела училища его не интересовали, женщины тоже. Странно. Так впервые в душу Андрееву запала мысль про Афган. Захотелось себя проверить.

Прошел год. Сдали три государственных экзамена из четырех. Перед последним около сорока выпускников, претендующих на золотую медаль, вызвал начальник училища генерал-майор Баршадлы В.Э.

– Вы все будущие медалисты. Есть пожелание командо-

вания оставить вас для дальнейшего прохождения службы в Закавказском военном округе.

Двадцать курсантов тут же отказались. Результат – на последнем госэкзамене все получили «четыре» балла. И черт с ним. Зато совесть чиста. Как-то в свободное время все двадцать собрались, обговорили и решили – поедем в Афганистан.

Подали рапорта. С каждым, естественно, была проведена беседа (а не дурак ли ты. что туда едешь? Может, останешься?) Нет, все настояли на своем. Потом – отпуск тридцать дней и возвращение в родные стены училища.

Приехали в БВОКУ (Бакинское высшее общевойсковое командное училище) в конце августа получать документы, загранпаспорта. Самое интересное, что паспорта давали новенькие, только что вышедшие из канцелярий бюрократии «служебные паспорта» синего цвета, когда все выезжающие за границу получали старые – красные, общегражданские.

Два дня до парома. В кармане вроде еще деньги водились. Остановился Андреев у родителей своего друга Виктора Бало. Виктор в это время был уже на пути к месту назначения. Позвонил наугад «маме» Зое, матери своего друга Сергея Шабаянца (по прозвищу «Шабик») и попал в точку. Серега еще не уехал в свое Забайкалье (ЗабВО – забудь вернуться обратно).

Встретились, оба без ума от радости, решили съездить на пляж. Наташка, сестра Виктора, взяла с собой подруж-

ку Юлю. Да! У Андреева с Шабаянцем челюсти отвисли: небольшого роста, каштановые волосы, глаза как у газели, добрые, глубокие, словно озерца, высокая грудь, ровные ножки. В общем, все при всем. Кроме того, спортсменка – прыгунья в воду. На сборы пара минут – и вперед.

* * *

Песчаный пляж, палатки с мороженым, напитками, теплое затуманенное море. К горизонту переходящие в синь – белые барашки облаков, вдали белые пароходы, крики чаек, а сзади скалистый отрог. Красиво. Разделись – и в воду.

Сначала, после того как поплавали, начали дурачиться – «томить* друг друга, потом стали подкидывать один другого вверх для прыжка в воду.

Юля, а ты что ж не прыгаешь? – крикнул Шабик. – Покажи класс!

Давай тебя подкинем, – поддержал Андреев.

Вы и так хорошо прыгаете, – ответила Юля.

У тебя ж все равно купальник закрытый, не слетит.

А вы хотите, чтобы трусики при прыжке слетели?

В ответ дружный хохот. Да, востра, востра на язык.

После купания, загорания и прочих прелестей, включая мороженое, стали собираться домой. Хорошего, говорят, понемножку, а то слишком сладко станет.

Можно, я вас провожу? Все равно по дороге, – сказал Андреев.

Спасибо, – с иронией в голосе ответила Юля.

Андрееву и так стало ясно, что он ей не нравится, но ничего поделать не может. Стесняется, черт возьми. Ну и ладно. Ну и проводил. Долго о чем-то разговаривали, хотелось просто обнять, ведь он уезжал на войну, но не мог. Да, наверное, это и не нужно. Зачем? Если бы девчонка захотела, она сама бы дала понять – обнимать или нет. Как однажды сказал Валентин Пикуль, «иногда лучше желать женщину, нежели ею владеть».

Наутро – в училище. Построение. Всего было двадцать человек; как тогда говорили, направлялись южнее Кушки. Дальше все сумбурно: получение документов (загранпаспортов, командировочных предписаний), денег и т.д. После окончания училища тех, кто едет в Афганистан, заинструктировали до слез: «Никому... Ничего...». Ну, они и молчали. А толку? Все равно все известно.

Что сказать? Молодых офицеров двигал патриотизм плюс романтика. Ведь чему учат офицеров? ВОЕВАТЬ. Уметь самому и учить других. Только позже, гораздо позже, а по времени совсем немного, они поняли. Правило войны простое – если не ты его, то он тебя.

Билеты были уже куплены, родственники – оповещены. Что ж, вперед! Паром от Бакинского морского вокзала ждет. Выпили в морском ресторане, вышли на набережную, долго ждали посадки. Шурик Хузиахметов запел: «Снег кружится, летает, летает и позёмкою кружа... Заметает, зима заметает все, что было до тебя...». Очень красиво он пел и играл на

гитаре. Запомните это имя. Он за месяц до командировки в ДРА женился.

Пошли по трапу, а он, зараза, прогибается. Правильно прогибается. Этих дураков надо было скинуть в Каспий, освежиться. Едут на войну и не знают, что парадная и повседневная форма одежды не нужны. Набили чемоданы. Что ж, ума нет, так как зовут? Тут не только трап прогнется, самолет упадет.

Наверное, в то время почти никто из вышестоящих начальников не знал, что Афган – это другая война, и им придется учиться заново, на своей крови. А они, дураки, несли в чемоданах и ту, и другую форму одежды.

Расселись по купе, как водится, раскрыли бутылки. Благо, родственники натолкали в чемоданы домашних курочек и прочей снеди. Ну, поехали, т.с. поплыли. В связи с отсутствием сознания (и почему бы это?) офицеры не слышали, что был шторм. Вы знаете, даже на Каспии они бывают. Кто-то к кому-то приставал, кому-то из «рыцарей дам» набили морду (наверное, зря). В подавляющем большинстве все эти офицеры были людьми холостыми. Почему бы не ухлестнуть за симпатичной девушкой? Но дамы их все равно не интересовали, даже красивые. Их интерес состоял только в том, чтобы отдать дань уважения женщине. Выпускники Бакинского высшего общевойскового командного училища всегда и во всем следуют кавказскому закону. И гордились этим. Женщина – это идеал. А вообще-то нужно следовать Алек-

сандру Дюма, который писал: «Женщину нужно всегда ставить на то место, на котором хочешь ее видеть». Думаю, что и это правильно. Именно поэтому мужчины становятся сильнее, добрее, великодушнее. Ну, ладно. Вес это демагогия. Андреев был солдатом и должен выполнить свой долг.

Ночью он вышел на палубу: черная вода, черное небо, яркие звезды и на горизонте МАРС – бог войны. Свежий ветер, какой-то запах от воды – одновременно терпкий и освежающий. Да какой там к черту сон? Очень красиво!

Куда ехать, зачем? Однако слово дано. Обратного не повернешь, лучше застрелиться. Этот путь до Кабула был романтическим. Мальчишки мечтали о подвигах, славе, ведь у них вся жизнь впереди. «Надежды юношей питают», – сказал один из великих поэтов.

Прибыли они в Красноводск, сгрузились. Перекусили в буфете морского вокзала. Вчерашние выпускники Бакинского училища – люди неприхотливые. Их хоть чем накорми, можно даже осетрами. Накупили харчей на двое суток и «горячительного». Сели в поезд, поехали в Ташкент. Шурик Хузиахметов запел. У него хороший голос, задушевный:

Петь у нас в песках Азербайджана училище пехотное, друзья,

Здесь маленькие мальчики тренируют пальчики.
чтобы крепла Родина моя.

Алые погоны, без пуговиц кальсоны, по три килограмма сапоги

Вещмешок да скатка, рваная палатка, шелестят от холода мозги.

Потом запели другие песни: «Наверх вы, товарищи, псе по местам, последний парад наступает. Врагу не сдается наш гордый «Варяг», пощады никто не желает...» В конечном итоге всех свалил сон. Утром – Ашхабад.

Красивый перрон, здание вокзала, все ослепительно белое и ЖАРА, хоть голыми ходи. Но вы же знаете: офицер всегда должен быть в форме – до синевы выбрит и чуточку пьян. Так и мы. Вдруг Зиня:

– Смотрите, нас наши встречают!

Всей толпой вывалили на перрон. Действительно, наши. Объятыя, поцелуи. Действительно, радостная встреча. Вдруг Андреев увидел Вовку Иванова. Шесть лет они учились в одном взводе, роте: два года в Казанском СВУ – в одном взводе, четыре года в БВОКУ – в одной роте. Молча обнялись, говорить было не о чем: и так все ясно. Судьба на этот раз разбросала: Вовка попал в учебную дивизию в Ашхабад, Андреев – в Афган, хотя для него тогда это было что-то непонятное. Про войну читал в книжках, но такой не ожидал.

Все вдруг дружно закурили. По курсантовским понятиям это был признак мужества. Откуда-то появилась бутылка водки. По глотку. Свисток «паровоза» – и снова в путь. Где он сейчас? Вовка Иванов. Известно, что жив, – это главное. Ну, про него история отдельная. Зазря в те годы ордена Ленина не давали, хотя...

Все, едут. Как обычно, сбились в одном купе, накрыли стол. Шурик взял гитару, выпили. И вот теперь осознали, что возврата к юности уже не будет, никогда. Какое это страшное слово – никогда.

Стою один среди равнины голой.
А журавлей относит ветер вдаль,
Я полон дум о ЮНОСТИ веселой.
Но ничего в прошедшем мне не жаль.

Пели грустные песни, но потом молодость взяла свое, тем более «горячительное*» подогрело. Каждый старался петь в полную силу своих легких. Если учесть, что больше половины из них не имело слуха, то представьте, какой получился диссонанс.

Когда запели «Мурку», заглянул начальник поезда:

Ребята, что вы делаете? Как вам не стыдно? В первом купе мать везет гроб со своим сыном, погибшим в Афганистане.

Мгновенно наступила тишина. Офицеры не знали, куда девать руки, глаза, хоть провались на месте. Вдруг раздался женский голос:

Не надо. Пусть поют. Они ведь тоже туда едут. Живым – живое, а сына мне все равно никто не вернет. Сыночки, вернитесь живыми, – это сказала мать того солдата, которого везли в гробу в первом купе.

Нам было стыдно смотреть друг другу в глаза. Молча разбрелись спать, только каждый слушал, как стучат колеса но

рельсам, отсчитывая время.

Утро. За окном выжженная земля, арыки, кое-где виноградники, гранатовые сады, глинобитные домишки и жара. Скоро Ташкент.

Ну, вот и приехали. Выходи строиться, – скомандовал Кузьмин.

Раздался дружный хохот, в колонну по одному двинулись на перрон. Вышли, подождали, пока рассосется народ, выслали разведчиков. Те по прибытии доложили, что самая дешевая гостиница – это КЭЧ гарнизона. Поехали туда. Приняли там ласково – расселили. Туг уже и вечер. Собрались во дворе, решили навестить ресторан «Россия», благо он был в двух шагах. Кормят там плохо, лучше пойти в занюханную «лагнанную», но зато вино отменное. Подали жаркое. Тут Витя Казаченко толкает в бок:

Смотри, они, наверное, оттуда.

За соседним столиком сидели капитан и прапорщик, оба в полевой форме, худые и черные от загара (хотя черт его знает, может, и от копоты войны). Сказали ребятам, Зиня пошел. О чем он там говорил, не было слышно из-за восточной музыки, которую наигрывал вокально-инструментальный ансамбль. Хорошо играли и пели. Вообще, мелодии Кавказа, Средней Азии своеобразны., красивы. Просто их нужно понять, проникнуться их глубоким содержанием. Как их музыка, так и стихи глубоко трогают душу человека, независимо оттого, какой бы он ни был национальности.

Океан, состоящий на капель велик
Из песчинок слагается материк.
Твой приход и уход никому не заметен —
Просто муха в окно залетела на миг.

Четверостишие, а какой глубокий смысл. И это было написано в XIII веке!!! Но им тогда было по двадцать лет, и они еще не задумывались о смысле жизни. Казалось, что жизнь никогда не кончится.

Сергея Зинченко, калининский кадет, всегда умел разговаривать с людьми. Капитан (Олег) и прапорщик (Валера) пересели к ним за столик. Оказалось, что они только что «оттуда» и едут в отпуск. Тут, естественно, посыпался град вопросов. Ответов почти не было. Так, односложные междометия. Когда палили третью, Олег встал. Молодые офицеры уже знали, что такое третий тост. Все дружно встали, молча выпили. Андреев еще тогда обратил внимание, что Олег, перед тем как выпить, капельку отлил на стол. После вопросительных взглядов Олег сказал, что этот тост и эта капля тем и за тех, кого с нами нет. Посмотрев на Андреев», Олег понял, что он еще просто молокосос, который не перенес тех испытаний, какие пришлось на их долю. И он просто по-доброму улыбнулся, как бы говоря: «Все у тебя еще впереди – и гибель друзей, и испытания страхом».

Потом пили за родителей, потом еще за что-то, рассказы-

вали им новости о «Союзе». Они травили байки про Афган. Все было весело и непринужденно. Так все вместе они и отправились в гостиницу КЭЧ. Несмотря на то, что гостиница была переполнена, «афганцам» мгновенно нашли два места. Утром к девяти вся группа молодых офицеров направилась в штаб ТуркВО. Несмотря на утро, температура была уже за 30 градусов Цельсия. Они сняли галстуки и подошли к бюро пропусков. «БВО-керы*» всегда были самыми «борзыми*» выпускниками военных училищ и наравне с этим самыми жизнеспособными боевыми офицерами Вооруженных Сил СССР.

Какой-то прапорщик из комендантской роты попытался сделать замечание по поводу отсутствия галстуков. Что ж, бедняга, жаль его, пришлось построить его в две шеренги, как этому учили в училище. Так они и вошли в «святая святых» – штаб ТуркВО. Тут, конечно, было все по-другому, даже смешно. Бегают туда-сюда майор, подполковники, как в полку солдаты – посыльные. На них ноль внимания.

Встретил молодых офицеров подполковник, весь отутюженный, холеный, как потом выяснилось, из политотдела. Конечно же, их внешний вид ему не понравился: не глаженные брюки, рубашки (это после поезда), без галстуков. Сделав недовольное лицо, он пригласил в какой-то зал для совещаний. Затем, меняя друг друга, рассказывали офицеры округа, что это за страна – Афганистан: немножко истории, проживающие там национальности, про победу революции

под руководством НДПА, хотя о многом умолчали. Пришлось самим докапываться до истины.

Например, в НДПА есть два враждующих течения – «хальк» и «парчам», кроме них существует еще около пятнадцати партий (их называли бандформированиями), нейтральную роль играют пуштунские племена, на нашей стороне воюют племена белуджей и другие. За это познание истины многие наши ребята заплатили своими жизнями.

Кроме выпускников-БВО-керов на этих лекциях присутствовали и другие молодые офицеры разных родов войск. Закончилась болтовня, и всех стали по одному вызывать к какому-то начальнику в звании полковника. Обычная бюрократическая процедура. Задали всего один вопрос: «Желаете ли добровольно поехать в ДРА?» Наверное, у всех, как и у Андреева, были удивленные лица. Ведь все ещё в училище рапорта писали. Вышел от этого полковника лейтенант-танкист. Голова опущена, кислая мина на лице. Похоже, даже ростом стал меньше.

– Что случилось? – спросил Зиня.

– Не берут. Говорят, танкистов пока не надо, предложили в город Чирчик на танкоремонтный завод военным представителем, – чуть не плача, сказал лейтенант.

Тут раздался хор голосов: «Дурак, тебе же повезло». Он ничего не ответил, просто отошел в сторону.

Вручили служебные паспорта с открытыми визами, командировочные удостоверения и, как водится, пожелали

добрého пути. Туда! А обратно?

– Скорей бы, – с чувством нетерпения сказал Шурик.

Как бы в поддержку его вес дружно вздохнули и пошли на выход из столь «благожелательного заведения». На улице всех охватило необузданное веселье: смех, анекдоты. Кто-то предложил зайти в «лагманную», отметить столь «важное» событие, и все дружно бросились вперед. Никто тогда не знал, что это слово – команда «вперед» – долго будет произноситься каждым из них, да и, наверное, оставшиеся в живых до сих пор его произносят. Дело шло к вечеру. По прибытии в гостиницу собрали свои пожитки, выпили в буфете по стакану сухого вина и легли спать.

В пять утра – подъем, сборы; поехали на «пересылку», то бишь на пересыльный пункт. Оказалось, что зря тащились с чемоданами. Самолет на Кабул только завтра. Куда деваться? Переночевали на «пересылке». На следующий день в шесть утра автобус довез их до военного аэродрома «Восточный», где ждал ИЛ- 18, самолёт-«отпускник». Но быстро только в сказке сказывается, а на деле... Таможенный досмотр, куда стояла огромная очередь. На молодежь особого внимания не обращали. Обычные стандартные вопросы, штампик в паспорте, «предбанник» (огражденное проволокой помещение) и мягкое место в самолете. Взлет. Почему-то всем стало грустно. Каждый из них первый раз в жизни покидал Родину. О смерти, ранениях тогда никто еще не думал. Но в тот момент оборвалась связующая ниточка с домом. Минут

через двадцать второй пилот объявил: «Пролетаем государственную границу СССР». Так 8 сентября 1982 года впервые в жизни Андреев оказался на территории другого государства, где шла война...

Кабул. Долетели – не заметили. Находится он как бы в большом котловане. Чтобы не быть сбитыми зенитной ракетой, при заходе на взлетно-посадочную полосу самолет резко ухнул вниз. Еще пара минут – и «отпускник» вырулил на стоянку. Все, кто из отпуска, командировки, вышли и пошли каждый своим путем. Начали спускаться и остальные. Какой-то офицер около трапа все время выкрикивал: «Кто первый раз в Афган, пройти к автомашине ЗИЛ – 131!» При выходе мгновенно обдало жаром, как будто зашли в русскую баню. Сразу все стало липким. Напротив было здание гражданского аэропорта «Кабул». Довольно красивое, с орнаментом в восточном стиле. На ВПП* в основном наши солдаты и офицеры. Возле здания аэропорта – шаровары, рубахи до колен, чалмы и бороды. Полоса постоянно занята: то взлетают «вертушки*», то садятся наши бомбардировщики, изредка гражданские самолеты. Как мы потом узнали, шла операция по уничтожению бандформирований Ахмад Шаха в ущелье Пандшер, потому и была такая суматоха.

Сели в кузов «ЗИЛка», поехали. Тут впервые Андреева охватила мысль: «А может, зря я сюда приехал?» Жара, пыль, тряска – для «БВО-керов» это нормально. В Баку, в сущности, то же самое. Подъехали к огражденному колю-

чей проволокой палаточному городку. Это была «пересылка» в Кабуле. Сдали командировочные удостоверения. Обед, если это можно назвать обедом (бурдамага плюс клей из лапши, хотя позже и этому были разы). Стали ждать назначения в часть. На следующий день у половины живущих на «пересылке» объявилась болезнь «длинные ноги», выражаясь медицинским термином – жидкий стул. Вино было выпито, но водку никто не трогал. Им объяснили популярно, что один литр водки каждый из них должен поставить тому, кого он заменяет («заменщику»). Поползли слухи, что если коменданту «пересылки» дать бутылку водки, то он может пристроить в более или менее спокойное место.

– Да пошел он!.. – заорал Леха Васюк. – Прижился здесь, крыса тыловая. Наверное, крыса бы обиделась за такое сравнение. Все логично и обоснованно: кому война, а кому и мать родная. С давних пор в русской армии присутствовали подобные явления, и эта война не исключение.

После обеда всем объявили, кто и куда должен поехать. Семь человек из нашего училища – Витя Казаченко, Сергей Зинченко, Казьмин, Шурик Хузиахмстов, Леха Васюк, Сергей Антонов ну, и, собственно, Андреев плюс Толик Попов из Омского ВОКУ и один лейтенант-связист – были назначены в 70-ю отдельную гвардейскую орденов Кутузова и Б.Хмельницкого II степени, Краснознаменную мотострелковую бригаду, город Кандагар.

Из истории известно, что основал его, как Александрию

XVI Арахозийскую, покоритель персов Александр Македонский, или, как его называли в Азии. Искендер Двурогий. Двурогий за его золотой шлем с рогами барана. Впоследствии город Кандагар стал столицей огромной империи Великих Моголов во главе с шахом и одновременно, по совместительству, поэтом Бобуром. В середине XIX века, когда власть англичан в Индии приходила к упадку, провинция Кандагар объявила независимость. Англичане послали туда сорокатысячный карательный корпус, от которого воинственные племена пуштунов и белуджей оставили в живых только три человека. Племена, живущие на этой земле – прирожденные воины. В семь лет мальчику вручалось его личное оружие. Даже женщины умели воевать не хуже мужчин, в чем мы сами убедились. Впрочем, Андреев не был историком, в чем-то и мог ошибаться. Да и вообще, вся эта война ему виделась с «огромной» высоты должности – командира взвода. Его дело было воевать и учить других этому.

Два дня бегали вдоль всей ВПП на стоянке самолетов. Как только экипаж подходит к какому-нибудь самолету, так со своим чемоданом бегом.

Извините, вы не в Кандагар?.

На второй день стали бегать по очереди. Шурик как-то перебежал ВПП, а туг истребители взлетают. В последнюю секунду он заметил эту пару и упал на «бетонку». Самолеты буквально в одном метре пролетели над ним. Ничего, живой. Наконец нашли оказию в Кандагар, погрузились в «АН-12»

и полетели. Если перелет в Кабул сравнить с предбанником, то посадку в Кандагаре можно смело сравнить с заходом в парилку. И как тут люди живут?

Так 11 сентября 1982 года они вступили на землю провинции Кандагар, где Андрееву пришлось прослужить два года и восемь дней. Вроде немного, а для него – это целая вечность, прожитая жизнь.

На попутном БТР-е добрались до бригады. Принял их сам комбриг полковник Мещеряков. Вкратце объяснил, чем занимается бригада, расписал в цветах и красках возможную будущую карьеру и тут же всех распределил. Все, за исключением Попова, пошли на доукомплектование, то есть заменили убитых и тяжелораненых офицеров бригады. Четверо попали в десантно-штурмовой батальон, Андреев с Т. Поповым в третий МСБ(г). Антонов в первый мотострелковый батальон. Комбат Терехов Сан Саныч представил Андреева с Поповым офицерам батальона. Вечером, как положено, Андреев выставил офицерам восьмой роты свой литр. Толик попал в девятую роту. Только офицеров оказалось всего двое: командир первого взвода С.Тимошин и командир роты П.И.Алексеев – жесткий, суровый мужик, который и учил его воевать.

Глава вторая

КОМАНДИР ВЗВОДА. ИСПЫТАНИЕ НА ПРОЧНОСТЬ

Четыре утра, еще свежо и дышится легко. Бетонка. Колонна, извиваясь, подходит к мосту через мелкую речушку. Справа – кишлак белуджей, слева – «зеленка*». На мосту – блокпост. Дальше перевал через горный хребет.

Я «85-й», прошел перевал, – доложил Андреев, идя замыкающим.

«Нулевые», «елочка», – раздалось в наушниках шлемофона.

Мгновенно стволы пулеметов развернулись: первый БТР вправо, второй влево, и так по порядку все боевые машины. Только спустились с перевала:

«Нулевые», стой!

Пошли вперед саперы со своими щупами. Едва отошли от первого БТР-а, сигналият – фугас. Потом еще и ещё. Всего семь авиабомб, закопанные на обочине со вставленными запалами. Разрядили, оттащили подальше для подрыва. С саперами остался БТР седьмой роты, а восьмая снова вперед. Вот и ООН-овский городок, который охраняет взвод из бригады Андреева. Везет же кому-то, курорт, а не война: высокие стены, как у средневековой крепости, бассейн, фрукты-овощи и другие прелести. И вот восьмая рота въезжает на улицы города Кандагара.

Окраина. Низенькие, одноэтажные, саманные домишки, окруженные высоким дувалом* «бабаи*» так и шныряют перед носом БТР-а. Выехали на их рынок, дальше район – «раз-

вашины*». О-о-о! Это отдельная, занимательная история.

* * *

Случилось это еще при комбриге полковнике Шатине:

Мы выхолом на рассвете —
С Пакистана дует ветер.
Поднимая нашу песню до небес.
Вьется пыль под сапогами.
С нами Шатин, с нами знамя
И тяжелый АКС наперевес.

Колонна из «Союза», в которой везли новенькие гаубицы Д-30 на смену М-30, почти без потерь дошла до Кандагара. Там её, как положено, встретил ЗМСБ(г), усиленный танковой ротой. Прошли «зеленку», Элеватор (есть такой на окраине город), снова «зеленка», черная площадь, площадь с «пушками», скоро рынок. И тут залп, второй, пулеметные очереди, очереди из ППШ, как будто лопаются пузыри, треск АКМ и еще черт знает что. Горит та часть колонны, которая везла гаубицы. Пехота мгновенно рассыпалась, начала обходить с флангов. Тут с высоты минарета* полетели гранаты, раздались очереди. Все! Это была последняя капля терпения. Бойцы просто озверели. Мулла вдруг полетел вниз головой со своего минарета. С чего бы это? И пошла драка: нож на нож, автомат на автомат. Раздается команда: «Всем назад». К этому времени подобрали всех убитых и раненых,

колонна ушла вперед. Пехота прыгнула на боевые машины прикрытия и ушла следом.

А сзади грохот, пыль, огонь, дым, крики. Хотя кто их слышал? Это оказывается Шатин «обиделся», вывел весь артидивизион к перевалу и «врезал» на всю мощь установками ГРАД и артиллерийскими орудиями. Результат? Получился. В вице-стольном городе Кандагар возник район «развалины». Район был уничтожен со всеми его жителями. После этого офицеры и бойцы всегда ездили на «броню», то есть сверху боевых машин. И почему «духи*» не стреляли? Как вы думаете? Похоже на тактику генерала Ермолова при покорении Кавказа. В этом бою погиб командир взвода девятой роты Александр Вехтев. Его убил снайпер. Саша не долго мучился.

* * *

«Восьмая» прошла рынок, тут по радиостанции раздастся: – «Нулевой», я «ноль-седьмой», сбили БТР-ом «бабая», кажется, насмерть, – доложил командир седьмой роты, в скором будущем Герой Советского Союза капитан Черножуков Александр.

Аллах с ним, больше под колеса лезть не будет, – ответил комбат.

Выехали на большую площадь, справа «высотные» дома, в два-три этажа. По сравнению с окраинами они действительно высотные. Слева огромный дворец из белого камня. Весь

отделанный бирюзой, малахитом, так и переливается голубыми, зелеными, белыми цветами. Высокие ворота под аркой, в восточном стиле, перед ним ухоженная лужайка, выложенные камнем дорожки, фонтаны.

Ветохин, что это? – спросил Андреев у своего замкомвзвода.

Это дворец Кара-Ханов.

Впоследствии замполит седьмой роты лейтенант Андрей Борисов (невысокий, худощавый крепыш, настолько эрудирован, что легче назвать то, чего он не знает) рассказал о нем. Да, великое прошлое было у этого города и этого дворца. А сейчас – это автовокзал.

Поворот налево и вот уже площадь с «пушками». Здесь взвод лейтенанта Андреева занял свой пост, заблокировав центральную улицу для прохода колонны. Площадь небольшая, двух-трёх-этажные дома, всюду лавки, кантины* со всякой всячиной. Народ что-то покупает, торгуется, продавцы визгливыми голосами зазывают покупателей, шныряют «бачата»*.

Командор, чарз* хочешь?

Купи, шурави*, – предлагает нам солнцезащитные очки, какой-то бабай.

Смотри-ка, не боятся нас.

Тут Андреев обратил внимание на вывеску «HONDA», написанную по-английски и арбской вязью.

Ветохин, здесь что, еще и японцы обитают?

Да, это ресторан, хозяин – японец, официантка – его дочь. Такая девочка, я вам скажу, товарищ лейтенант! – ответил сержант Ветохин.

Может, зайдём?

Что вы, ещё отравит.

Так мы есть-то ничего не будем. Так посмотрим.

Пошли. Эрданаев, за старшего. Караджаев, за мной. – приказал сержант.

Поднялись на второй этаж. Небольшой, красиво отделанный зал, столики, в левом углу помост, покрытый коврами. Несколько "бабаев" пьют чай. Хозяин стоит в углу. Тут откуда ни возьмись подлетает миниатюрная девочка, по внешнему виду – это и есть дочь хозяина. Что-то залопотала, перемежая фарсидский язык с русскими словами, пригласили сесть за столик.

Ташакур, ташакур*. Времени нет, – говорит Ветохин, показывая рукой на часы.

Повернулись и пошли. Девочка с поклонами проводила до порога. Колонна уже заканчивала прохождение, настало время сворачиваться. По радио слышно, что на «черной площади» обстрел. Тронулась и восьмая рота, проскочила «черную площадь», вышла в кантинные ряды. Остановилась, пропуская седьмую роту. Дальше – «зеленка». Этот участок до Элеватора блокирует седьмая рота. Прошел час. Блокировка закончена, вроде все спокойно. Тронулись.

* * *

На Элеваторе – перекур, подтягиваются отставшие машины, седьмая, девятая роты. Дальше – участок «зеленки» восьмой роты. Мост через реку Аргандаб – «Нагаханский поворот»* – это и есть блокпост «85-го» (позывной Андреева). Постреляли для профилактики, остановились. Пехота рассыпалась по своим трем точкам, приданный танк занял свое место, бойцы минометной батареи развернули минометы. Дапыле вытянулась вся рота, заняла свои точки. Ротный на горке возле кишлака Симжарай развернул «василек*». Пока все тихо. Колонна пустых «наливников*» пошла. «Через несколько дней будут в «Союзе», хотя, может, и не все», – подумал Андреев.

* * *

Вот уже неделя, как лейтенант Андреев в Афгане, а войны и не почувствовал. Участие в сопровождении колонн через день, а то и каждый день, ни стрельбы, ни боев, даже скучно. Так

было и в тот день, ничего интересного, кроме снятия двух «фугасов». Встретили колонну из «Союза», свернулись и поехали обратным путем в бригаду. Перед подходом к картинным рядам Кандагара вдруг выстрелы из гранатомётов, «07-ой» дает целеуказания «вертушкам*». Впереди «85-го» шел «81-ый» (командир взвода старший лейтенант Тимо-

хин), выстрел из гранатомёта, вспышка – горит. Пехота посыпалась за обочину дороги, затем сразу – в БТР Андреева. Объехали горящий «81-й», залетели в кантинные ряды.

«85-й», я «нулевой».

Я «85-й».

Заблокировать кантинные ряды с обеих сторон для прохода седьмой, девятой роты и штаба батальона! – приказал комбат.

Разбежались вдоль рядов: один взвод – в левую, второй – в правую стороны, для профилактики постреляли. Тут по второму взводу ударил ДШК* «духов», головы не поднять. Давай его выцеливать из «мухи*». Со второго выстрела сержант Баймульдин наконец-то сбил его. Тут по радио раздаётся:

«07-й», я «нулевой», подбили, горю.

Понял, «74-му» взять на буксир, оттащить в кантинные ряды, приказал А. Черножуков.

«07-ой», я «78-ой», – доложил командир взвода А. Казаков (земляк Андреева, родом из поселка Красногорска Марийской АССР). – Горит «Чайка*». «78-ой», потушить огонь и на буксире на выход из «зеленки», – приказал «нулевой».

А в эфире что творится:

«Броня-21*», пару «огурцов*» по сушилке! (Для винограда.)

«Воздух*», я – «08-ой», от красного дыма на восток двести метров, – дает целеуказания командир восьмой роты.

Я «полста первый». Понял, захожу.

«Броня-23», ещё один «огурец».

Андрееву с крыши дома хорошо было видно место боя: пыль, огонь, вспышки взрывов. Вот ударила «вертушка», все заволочло дымом, взлетели обломки дувала. В кантинные ряды приволокли обгоревшую «Чайку», сразу к арыку, стали поливать водой. Затем – БТР комбата, он сам пересел к «08-му» и оттуда руководил боем. Постепенно в город въезжали БТР-ы седьмой и восьмой роты, также колонной пойти домой. Вот прошла последняя машина, Андреев дал команду: «По машинам!*. На «черной площади» «85-го» обстреляли. В ответ по «духам» врезали из КП ВТ* и автоматов. «Духи» заткнулись, видно, попало им. Ну, а дальше снова тишина. Вот оно – первое боевое крещение. Андреев так ничего и не понял. «Странно, ни страха, ни волнения», – удивился он про себя. Только по прибытии в бригаду он узнал, что в «Чайке» сгорел сержант роты связи и двоих солдат ранило. Салага, он еще не понимал, что где-то в «Союзе» взвоят от горя мать этого сержанта. Все у него было еще впереди: и горечь потерь, и убитые друзья, и преодоление в самом себе жуткого страха.

Снова, как всегда, сопровождение колонны. Обычная, будничная жизнь для третьего МСБ (г)*: блокировка дороги; обстрелы – словом, ничего нового. Тоска... Время ближе к обеду, поели, легли отдохнуть. половина второго взвода уже дрыхнет. Андреев поднялся, сделал несколько упражнений

для разгона дремоты, посмотрел в бинокль: «А что там за домики в километре от точки? – подумал он. – Сходить что ли?»

Эрданаев. Загренко. Караджаев, Байрамов. Соболенко, за мной! – скомандовал Андреев. – За старшего остается сержант Ветохин.

Потихоньку по винограднику подошли к заброшенным домам, стоявшим группой. Осмотрели – ничего, но по свежей золе костра видно, что недавно тут кто-то был. Скорее всего «духи», больше некому.

Товарищ лейтенант, мина, – доложил Соболенко.

Точно, противотанковая мина итальянского производства, без запала. Видно, эти гады прятали её до лучших времен.

«Духи»! – крикнул Караджаев.

Все бросились вперед в гранатовый сад. Один все-таки ушел, второю взяли с испанским пистолетом «Астра». С перепугу он даже не стрелял. Попытка допросить его ничего не дала, будто не понимает по-фарси. Отправили Соболенко проводить «духа» на точку и сдать ротному. «Ах, заразы! Вот откуда вы обстреливали, да еще дороги минируете!» – подумал Андреев.

Байрамов, ставим «растяжки*».

Одну поставили в комнате, возле входа в нее, второю, выломав входную дверь во двор, положив её на землю, подсунули без чеки на рычаг, а сверху воткнули красивый «духов-

ский» нож, весь в перламутре. Все азиаты любят блестящие штучки. Вынь нож, сразу взрыв. Так оно впоследствии и получилось. Через день, когда Андреев с бойцами пришел на это место, то увидел расщепленную дверь, стены комнаты, избитые осколками, и лужи засохшей крови. Видно, кому-то из «духов» не поздоровилось. Что ж – кысмет*. Этих воинов аллаха гурии* в раю успокоят и уболажат.

* * *

Пошли дальше по заросшей фунтовой дороге. Неожиданно впереди послышались голоса. Взяв с собой Загренко, Андреев двинулся в разведку, остальные остались для прикрытия. Подползли к разрушенному домику, выглянули: стоит грузовая машина. С десяток «бабаев» что-то из неё выгружают. Тут сзади вылезла группа прикрытия и давай орать, что это «духи» и пора уходить. Те же не глухие, мгновенно попрятались, и тут началось. Отстреливаясь, отошли в виноградник, а «духи» уже обходят с левого фланга. Мать-перемать. стрельба и снова мат. Надо «делать ноги!»

– Попарно, вперед за дувал! – скомандовал лейтенант.

Бросились как зайцы, Андреев с Загренко подбежали к пролomu в дувале. По дороге ещё удивлялся, что это ветки винограда падают вокруг него. Потом дошло. Это же их пули срезают.

– Загренко, вперед!

Тот быстро рыбкой нырнул в пролом. Тут же по дувалу

прошла очередь. У Андреева что-то защемило в селезенке. Страшновато. Пересилил себя, прыгнул. Остальные бежали где-то слева. Пошли к своим на точку. В долгу не остались, дали по ним несколько очередей. Вышли на точку, проверили наличие бойцов. Нет Эрданаева и Караджаева. Тут стало по-настоящему страшно. Надо идти назад, чтобы выручать своих бойцов или хотя бы трупы вынести. Таков неписанный закон. Приказывать Андреев не стал, кликнул добровольцев, пошли. Не дойдя метров двести до того дувала с проломом, увидели четыре чалмы* над ним. Стрельнули из СВД* одна чалма пропала (наверное, попали), за ней исчезли остальные. Надо идти. Через силу двинулись вперед. «Стыдно за свой страх. Ведь на меня бойцы смотрят. Какой же я к черту командир». – подумал Андреев. Тут со стороны точки «85-го» взлетела зеленая ракета. Отбой, можно возвращаться назад. Это значит, что Эрданаев с Караджаевым вернулись. Сразу отлегло от души. Дали в сторону "духов" несколько очередей для острастки и пошли назад.

– Товарищ лейтенант, можно дать совет? – сказал младший сержант Мельников по возвращении группы. – Там, куда не посылают, всюду задница. Хотя и в других местах тоже.

Этот совет Андреев запомнил на всю оставшуюся службу в Афгане. После прибытия в бригаду Андреев получил выговор от ротного: «За проявленную дурацкую инициативу». Все правильно и справедливо.

* * *

На следующий день вручение «Гвардейского знака» всем вновь прибывшим офицерам и бойцам, достойно выдержавшим второй бой (первый бой не считается). Построили батальон. Комбат, гвардии майор Л.А.Терехов, произнес короткую речь, затем вызывали по одному, вручали краснознаменный знак «Гвардия» как заслуженную награду.

ПЕРВАЯ ОПЕРАЦИЯ

Так и течет будничная жизнь: сопровождение колонн, реализация разведданных, подъемы, зарядка, отбой... Да что и перечислять. Обычная армейская жизнь. 19 октября 1982 года командира первого взвода старшего лейтенанта Тимохина вызвали в штаб для постановки боевой задачи. 21-го выезд бригады на операцию. Что это такое? Пусть каждый из вас задает себе этот вопрос... Так же и Андреев не представлял, что это такое. Двадцатого строевой смотр. Вот это умора. Построили бригаду побатальонно в полном боевом снаряжении. Приказ всем был взять по два боекомплекта. Для примера: пулеметчику ПКМ* это три цинка (около 40 кг). Кроме этого, бронежилет – двенадцать килограмм; каска, 10 гранат, сухой паёк на двое суток, полотенце, зубная щетка, мыло, запасные портянки, расчески, носовые платки и еще какая-то тряхомундия. На построение бригады батальон выходил в три приема: сначала вынесли все шмотьё, потом и

сами вышли. А на плацу жара под 50 граду- сов Цельсия. По логике политотдела все это боец должен нести в вещмешке за плечами. Заставить бы одного из тех, кто отдал этот приказ, поносить такой вещмешок с полчаса. А ведь еще и воевать нужно! Что же сделает солдат, если все это он и с земли поднять не может?

Три утра, 21.10.82 года. Погрузились, ждут команду. Тут к «85-му» подбегает Тимохин:

– Саня, у меня температура, я не еду, ты – за ротного, – успел он сказать Андрееву и тут же исчез. Капитан Алексеев в это время был в госпитале, остальные офицеры тоже в разъездах: кто в госпитале, кто в отпуске. Андреев пересел в командирский БТР, тут уже команда: «Нулевые, вперед!». Поехали.

* * *

Остановка «Нагаханский поворот». Прибыли вроде спокойно. Выгрузились. Ну, естественно, лишнее все оставили: на ногах кроссовки, в вещмешке, кроме боеприпасов, самое необходимое. Андреев в роте был единственным офицером. Без понятия: что же это такое рейд, операция «проческа*». Разобрались по группам, пошли. А вокруг тишина, птицы поют; зрелый виноград, гранаты. Раньше тоже говорили, что в провинции Кандагар самые крупные в мире гранаты. Тут уж Андреев точно убедился. Гранат величиной с

голову двухлетнего ребенка. Рота подошла к кишлаку «Нагахан». Никто здесь давно уже не живет, это просто база для «духов». Поискали их тайные ямы и снова вперед. Слева седьмая, справа девятая роты.

Вот уже и вечер. Подошли к горке Когак, на склонах которого расположился одноименный кишлак. Кишлак жилой, но все жители ушли, боясь приближения советских войск. Вместе с седьмой ротой расположилась на ночлег и восьмая. Пока готовился ужин, одновременно завтрак и обед, все обыскали, успели даже сфотографироваться. Замполит седьмой роты Андрей Борисов долго рассказывал Андрееву историю страны Афганистан: про знаменитый Кандагар, еще более старый Герат – перекресток путей из Азии в Европу, так называемый «Великий шелковый путь». Кто только не был на этой земле! А. Македонский, персы во главе с Киром, монголы, турки, англичане, – и все равно Кандагар был и по сей день остается вольнолюбивым городом, чем-то похожим на наш российский Великий Новгород. Если бы знать, что это была последняя встреча, последняя фотография Андрея Борисова. Через четыре дня, 25 октября 1982 года, Андрей Борисов будет убит душмановским снайпером. Пуля попала ему прямо в висок.

В три утра подъем, чай с сухарями – и вперед. Комбат по радио гонит: быстрее, быстрее. По разведанным в кишлаке Лой-Манара, где-то впереди, расположена база отдыха «духов»: госпиталь, пункт реабилитации, склад боепри-

пасов. Заправили фляжки водой, тут сержант Куруа говорит:
Товарищ лейтенант, пойдёмте.

Куда?

Сейчас увидите.

Прошли вверх по течению арыка, обогнули кусты.

Здесь вода почище, – сказал Куруа и спустился к арыку. Андреев за ним – и вдруг видит: в арыке лежит мертвый «дух», с разmozженной головой. Это значит, что вся рота набрала во фляжки воды с растворенными в ней мозгами. Все усмежаются, да и Андрееву смешно: «Вот ведь, подшутили!»

Пошли дальше. В «проческе» самое страшное то, что все время в напряжении: ты идешь на засаду, а где она будет, неизвестно. В любую секунду ожидаешь залп или просто одиночный выстрел. Шли вдоль арыка. Впереди уже недалеко Лой-Манара. При подходе к кишлаку головной дозор обнаружил место нахождения поста часовых: непотушенный костер, горячий чайник. Видно, собирались «духи» впопыхах и дали деру. Рота втянулась в кишлак. Сам поселок довольно большой, однако жители его покинули. Ни одной живой души. Нашли госпиталь, склад боеприпасов со следами поспешного бегства. Естественно, все это сожгли. Бойцы раскопали в стенах домов, коровниках ещё несколько «схронов», «лифчики*» и так по мелочи, в основном оружие. Взяли с собой. Тут Андреев увидел, что на мотоцикле кто-то едет по центральной улице. Оказался наш боец. Посмеялись, стали собираться.

«08-й», я «нулевой», где вы задержались? Бросайте все и догоняйте «07-го», – приказал комбат.

«Нулевой», я «08-й». Понял.

Тронулись, а вокруг одуряющий запах – огромное поле конопли. Как в России картошку сажают, так у них коноплю. Наркотики – это самое главное средство пропитания для афганцев. Пустили «красного петуха» – и снова вперед. Пришлось чуть ли не бегом бежать. Тут ротный писарь «заартачился»: «Я больше не могу, я устал». Ну, все в этом роде.

Солдат, я приказываю – вперед! – приказал Андреев.

Да пошел ты...

Кидается с кулаками, его ловят бойцы, уговаривают.

Невыполнение боевого приказа – военный трибунал, – сказал Куруа. А затем с помощью своих кулаков и ног объяснил писарю, что здесь не играют в игрушки, да и не до трибуналов здесь. Одна пуля – и все, спишут на боевые потери.

Рота вышла из виноградников на околицу какого-то небольшого кишлака. Ошва идет бой. Это седьмая рота. Восьмая засела в засаду. Сейчас «духи» должны отойти на позиции восьмой. И точно, вышла группа – человек десять. Команды не требовалось. Через пару минут все было кончено. Собрали их оружие, рота идет дальше. Вдруг справа снова стрельба – это десантно-штурмовой батальон зацепил «духов». По радио – команда: пошли. Тут вылетает прямо на группу управления роты ошалевший «дух». Стреляет из «бура*», осечка. Андреев от пояса срезает его. Обыскали,

забрали «бур» и снова вперед. Начались гранатовые сады, отдельные нежилые домишки. Поступает команда: «Всем на выход из «зеленки». Перешли арык, построились, проверили наличие личного состава, и тут же раздался залп по восьмой роте. Второй взвод сразу бросился к дувалу, из-за которого стреляли, остальные залегли. Двоих пристрелили, а одного «духа» взяли живьем.

Резко наступила ночь, как будто лампочку выключили. Так всегда бывает в южных странах, ближе к экватору. Расставили часовых, улеглись спать, как обычно, прямо на земле.

Утром снова в «зеленку», прочесываем дальше. Жителей не видно. Оно и понятно. Все они

юют против нас. Шли дальше и

Слева направо: Шурик Хузнахметов и А. Андреев.

Кантинные ряды.

дальше. Скоро будет дамба. Она перекрывает реку Ар-гандаб. В полуразрушенных домишках все чаще попадают-ся «бабай». Даже смешно смотреть: развалины от дома, дворик, сидят два «бабая», пьют чай. Ну, кто живет в разрушенном доме? Всех забирали с собой. Впоследствии оказалось, что взяли в плен около ста пятидесяти «духов», из них восемь главарей. Может, какие-то группы и просочились в горы. Ничего. Все равно встретимся, никуда они не денутся.

* * *

Хузиахметов Шурик. Вот он, живой, улыбается. 5.12.1982 года его не станет. Это было просто. Его взвод выставил «точку*» для блокировки дороги. День отстояли. Команда: «Снимаемся, всем по машинам». Никакой стрельбы, все спокойно. Группа пошла назад. И тут обстрел, «духи» подобрались слишком близко. Это только в кино попадают в руку или ногу, хотя после этих попаданий герои фильмов бегают, прыгают, будто ничего не случилось. В живот – это самое страшное. В переводе со старославянского живот – это жизнь. Группа ушла, ничего не заметив. С раненым остался его друг, солдат, остался, чтобы прикрыть своего друга. Вышли к бронегруппе, посчитались. Двоих нет. Шурик прыгает

на свой БТР-Д, механику-водителю дает команду – вперед. Разворачиваются – и в «зеленку», по грядкам и виноградникам. Подскочили к концу виноградника, дальше еще один...

Развернись, открой задний люк и жди, – приказывает лейтенант Хузиахметов механику-водителю. Сам перепрыгивает дувал и бежит к месту своей бывшей точки. Все это время была тишина. И вот раздаются желанные выстрелы. На войне всегда так. Хуже, когда не стреляют. Из-за этого все нервы измотались. Страшнее ожидание смерти, чем сама смерть. После выстрелов понятно, где враг, а где свои. Определив по звуку стрельбы из 5,45 мм автомата Калашникова место боя, (у «духов» были АКМ китайского производства, калибра 7,62 мм), Шурик бросился в эту сторону. Пару раз раздались взрывы выстрелов из гранатомета. Один довольно близко. Наконец-то, вот они. Раненый боец лежал рядом с другом и тоже отстреливался.

Бери раненого и к тому дувалу, – приказал лейтенант, – там БТР-Д.

Сам остался прикрывать. Ракета – и Шурик тоже стал отходить. Погрузились, аккуратно положили раненого. И тут залп. Одна пуля в ногу, вторая в голову. Всего-то две свинцово-никелевые маленькие железки, а человека нет. Причем настоящего человека. Правду говорят: на войне погибают только самые лучшие. Таким и был лейтенант Александр Хузиахметов. Его любимая песня:

Снег кружится, летает, летает.

И, поземкою кружа.
Заметает зима, заметает
Все, что было до тебя.

До сих нор звучит в ушах. Таких, как он, не заметет никакая зима. Вечная им память.

Дошли до дамбы. Приключений вроде не было. Так, пару-тройку «духов» пристрелили. Жаль собаку. Она была на цепи и, как положено, охраняла свой дом. Долго в нее целились, стреляли, все мимо. Классная собака, чем-то похожа на лайку. В конечном итоге попали ей в переднюю лапу. Как жалобно она визжала. Лапу-то перебили. Куруа всех изругал, по-русски и по-грузински, не дал добить её. Наверное, на небесах ему это зачтется. Хотя кто знает? Ведь оттуда ещё никто не возвращался.

* * *

После выхода из «зеленки» подошли к бронегруппе. Наконец-то, обед до отвала. Черт возьми, когда можно наесться до отвала и поспать минут шестьсот? С самого детства Андрееву не везло в еде и сне. Двое пацанов без отца; мать – воспитательница детского сада, всегда недоедание, недосыпание, в 15 лет – Казанское СВУ. Это означает погоны и сапоги, то же недоедание. А уж спать-то точно мало приходилось. Немного поспали. Гранатометный взвод батальона охранял сон. Спали, наверное, все без сновидений. Хотя кто

знает?

МАХАДЖИРИ

Зашли от бетонки, перешли какие-то сады, разрушенные домишки. Вот и площадь. Дома вокруг солидные, но явно не жилые.

Первый взвод в прикрытие, остальные – на осмотр! – приказал Андреев.

«08-й», я «нулевой».

На приеме.

А где у вас, черт возьми, старший? Три дня его не слышу.

Я старший.

Андреев?! Больше офицеров нет? Ты один? – изумленно спросил комбат. Минута молчания. Потом: «Нулевые, стоять на месте до приказа!»

Все по очереди ответили, что понятно. Примерно через час в сопровождении гранатометного взвода (это что-то вроде телохранителей комбата) в роту прибыл зам комбата по политической части, какой-то капитан из штаба бригады и Толя Федоров – бригадный доктор. Первым взводом стал командовать этот капитан, вторым – Толя, третьим сержант Киянбеков, замполит – в качестве советника. Стали возвращаться бойцы. Кто-то несет гранаты, патроны, тротиловые шашки. Одна находка была стоящая: пистолет «вальтер» с патронами, ещё с Великой Отечественной войны. Андреев

взял его себе. Так и пришлось ему ходить до конца этой войны. Стреляет хорошо, рукоятка устроена так, что нет отдачи. Один выстрел – одно попадание.

Вокруг тишина. Ни единого выстрела. Сели пообедать, естественно без тарелок. Хорошо хоть ложки при себе.

Вперед, сукины дети! – раздалось в эфире. Это комбат со своим юмором.

Батальон тронулся. Всё буднично, вокруг виноградники, сады, кто-то ест гранат, кто-то – кишмиш.

На войне можно все, только совесть нельзя терять. Рота идет. Все однообразно и скучно. Второй взвод справа, остальные в цепочку. Раздалось несколько очередей. Что на них обращать внимание? Впереди выстрел, крики. Ранили Кумарбекова в шею. «Дух» сидел за дуваном. Дождался, когда головной дозор пройдет, и выстрелил из пистолета. Пуля прошла через шею, не задев жизненно важных органов. Перевязали. Андреев спрашивает:

– Сам идти сможешь?

– Так точно.

– «08-й», я «85-й».

– На приеме.

– Взяли «духа», «отправили в Кабул*», иду к тебе, – это сказал Толя Федоров.

Тронулись, и вот тут началось. Седьмая рота нарвалась на засаду. Справа стрельба, выстрелы из гранатометов, пули аж

сюда долетают.

– «08-й»! Я «81-й».

– Слушаю.

– Впереди несколько «духов» – засада, – доложил командир первую взводу.

– Огонь! – скомандовал Андреев.

– Я не могу, я не умею, – сказал тот капитан.

«Я сейчас тебе покажу», – подумал Андреев. Тут вмешался замполит: «Нужно все обдумать, ты не спеши».

– Да там наши гибнут, ты что, не понимаешь? – взорвался Андреев. – Или я командую ротой или вы!

Взяв с собой бойца-связиста, Андреев бросился к первому взводу.

– Всем слушать мою команду. У кого автоматы – по пять патронов, Эрданаев, Караджаев – из «мух». Заряжай, – приказал Андреев. – Огонь!

Залп, затем тишина, кроме ведущей бой седьмой роты.

– «08-й», я «07-й».

– На приеме.

– Сделай проход, у меня один «двадцать первый» и один «трехсотый*».

– Понял, выходи к западу.

– «08-я» заблокировала проход, седьмая рота стала вытягиваться, неся на плащ-палатках одного убитого и одного раненого. Вышли. Восьмая рота свернулась следом за седьмой.

* * *

На ночь устроились в каком-то доме. Хозяев, естественно, не было. Только улеглись спать, заходит посыльный «бабаев» с часовым.

– Товарищ, лейтенант, вас приглашают наши «бабаи».

– Сейчас иду.

– Не стоит беспокоиться, вас донесут, – сказал посыльный.

– «Ну и дела! Неужели я такой важный, что меня нужно нести?» – подумал Андреев.

Еда была обильная: шашлыки, плов, шурпа и, конечно, водочка. После ужина разговорились.

– Пожалуйста, будьте помягче, а то солдаты вас бояться, – сказал командир афганского полка.

– Постараюсь, – ответил Андреев.

Настало утро. Снова пошли. Афганцы, как всегда, сзади.

– Обезьяны, вперед! – вскричал Андреев. Какая там бутылка? Нужно выполнить свою задачу.

День прошел спокойно, устали только все. Шли также углом. Послышался взрыв.

– «08-й», я «85-й», один «карандаш*» легкий «'трехсотый», доложил Федоров.

Поищи место для ночлега, – ответил Андреев.

Есть такое, я рядом. Даю ракету, выходи на неё, – говорит Толя.

Вышли, устроились. Хоть и без удобств, но спокойно. Дом похожий на средневековую крепость: мощные стены, в цен-

тре жилое помещение в два этажа. Вместе с восьмой устроилась на ночлег и девятая рота.

–Сад заминирован, – доложили бойцы.

–Разминировать, – распорядился Андреев.

В саду сняли три гранаты, стоящие на «растяжке», две мины. Одна была противотанковая, стоящая на неизвлекаемость. Пришлось подорвать на месте, остальные тоже. Утром нужно было выслать группу в штаб батальона, питание для радиостанции кончалось.

–Куруа, найди Соболенко и ко мне! – крикнул Андреев.

Товарищ лейтенант, рядовой Соболенко по вашему приказу прибыл.

–Собирайся, в ночь пойдешь. Останешься на бронегруппе.

–Никак нет.

–Не понял...

–Я не пойду, товарищ лейтенант, – сказал Соболенко очень тихо.

–Ты же знаешь, Дима, невыполнение приказа... и все такое и прочее.

–Да, знаю, – оборвал Андреева Соболенко. – Но все равно не пойду.

–У тебя ж нога ранена, да и к тому же ты не сможешь идти.

–Смогу.

–Да, ё ... мать.

–Не пойду, товарищ лейтенант, хоть стреляйте, – сказал

Соболенко, и смог, смог, да еще как.

В три утра ушла вдвоенная группа за аккумуляторами для радиостанции. Дима Соболенко остался. Оказывается, у бойцов «неписанный закон»: если не ходишь в рейд, то ты трус и награда тебе – пуля в спину. Это справедливо. Ведь мужчина – это не тот, кто штаны носит, а тот, кто свой страх сумеет преодолеть. А страшно бывало частенько.

* * *

Поле. Метров через двести – мелкий виноградник, еще дальше – домишки. Этому уже научены: не выходи на поле, там смерть, справа-слева, буднично и обычно. Карс – и этим все сказано. Роте был дан приказ: Карс уничтожить.

Высокие стены, тишина, а это хуже всего.

–«85-й»! – стой.

–Понял. – ответил «85-й».

Этот городок вытянулся вдоль паля. Проползли до края, стали рассматривать в бинокли. Артнаводчик говорит:

–«Духи».

–Не вижу, где?

–Вправо два пальца, тащат что-то тяжелое (это был ДШК).

–Первый пристрелочный, огонь.

–«Тюльпан», я «Т-08*».

–На приеме.

–Даю координаты 45х36х9, один дымовой огонь!

Взметнулся столб белого дыма.

–«Тюльпан*», я «Тюльпан-ноль-восьмой», вправо двадцать, влево семьдесят, – дал целеуказание артнаводчик.

–Понял, даю очередь!

Раздалось несколько взрывов.

–«Тюльпан», я «85-й», туда же пару-тройку залпов.

Было видно, как улепетывают «духи», даже свои трупы забыли. В подвале окраинного домишки нашли виноградное вино в кувшинах. Куда же их с собой заберешь? А эти "духи", которых мы убили? Зачем им сейчас вино, деньги?

Друг, в нищете своей отдай себе отчет,

Ты в мир пришел ни с чем, могила вес возьмет.

«Не пью я, ибо смерть близка*, – мне говоришь ты.

Но пей ты иль не пей – она в свой час придет.

И снова тишина, кузнечики чирикают. Впереди вроде никого. А какой виноград! Тяжелые, как будто беременные, гроздья свисают с веток. Но, но, но ... Немытые, есть нельзя, а воды нет. Пора и пожрать. Война войной, а обед по распорядку.

* * *

В эфире – взрыв.

–«Нулевой», я «09-й». Головной дозор положили на поле. Не знаю, кто живой. Долбят со всех сторон, с левого фланга начали заходить.

–Да подожди ты. Не ори. Сколько «ноль двадцать первых»

и «300-х»?

– Не знаю.

– Найди хороший домишко, залезь туда и отстреливайся. Сейчас подмога будет.

– «08-й», «07-й», я «нулевой».

Оба ответили.

– «08-му» – выслать одну группу, «07-й» полностью к «09-му».

– Толя, кроме тебя мне послать и некого. Замполит, сам знаешь что. Этот «комсомолец» еще прошлой ночью не вернулся с бронегруппы. Давай ты!

– Не журишь. Саня, прорвемся, – ответил Толя.

Судя по эфиру, подошли. Оказывается, весь головной дозор – целый взвод лежит на поле. Где ползком, где перебежками подобралась. Начали вытаскивать раненых. В основном все тяжелые: у кого из ноги кость торчит, у кого из груди. Дали команду «тюльпану*». Несколько залпов и тишина. Только встали в полный рост, снова обстрел.

– «08-й*», я «нулевой».

– На связи.

– Подходи к «09-му». Вытаскивайте и на выход, – приказан комбат.

Прошли какой-то брошенный кишлак, сады. Чтобы быть в курсе дел, Андреев надел на себя радиостанцию вместо вещмешка. Да... Судя по разговору, дела там очень плохи. Подошли.

–Киянбеков, со своим обеспечить правый фланг. Куруа – вытаскивать раненых и убитых. Группа управления, за мной! – приказал Андреев.

Залезли на какую-то крышу дома, где Шура Липанчиков расположился со своим управлением. Он был за ротного. Действующий командир роты был убит.

–Все спокойно, сейчас вырвемся.

–Да куда там? Видишь, слева заходят. Да башку убери, а то продырявят, – толкнул речь Липанчиков.

Тут Вовка Минаков ещё:

–Да не рыпайтесь вы.

Обговорили все, распределились, пошли. Каждый по своим местам. С крыши хорошо было видно, как по полю, где лежал взвод, бегали бойцы, вынося раненых. Толя Федоров вообще в полный рост ходил, перевязывая раненых, делая уколы морфия, промидола в ноги, руки. А кругом пули шелкают, мины взрываются. Бедные виноградники. Ведь кто-то за ними ухаживал, выращивал их. А Толя будто заговоренный. Вроде всех вытащили. Убитых – на плащ-палатках, раненых привязывали к вышибленным дверям домов. На тяжелых страшно было смотреть. Перебитые ноги, руки; везде торчат кости, ребра. Тогда Андреев обратил внимание на Диму Соболенко. Это он-то с раненой ногой!

Тащил два вещмешка, четыре или пять автоматов да плюс еще поддерживал импровизированные носилки с привязанным раненым бойком. После операции был награжден меда-

люю «За отвагу».

–«Нулевые», слушай команду, – раздался голос комбата. – «09-й» выходит на бронегруппу, его сопровождают «85-й» и «74-й». Остальным осмотреться и там заночевать. Всем все ясно?

–«Нулевой», я «07-й», вижу место, оттуда «духи» укрепляются. Нужен «тюльпан» или «вертушки», – доложил В. Минаков.

–Квадрат 39х76х2 один дымовой, огонь! – скомандовал артнаводчик.

Рев снаряда, хлопок, столб белого дыма.

–Отлично, «нулевой». Туда же пару залпов. Наконец-то нащупали.

А впереди что твориться. Сплошная масса огня, дыма, пыли. Под этим прикрытием два взвода подобрались поближе к «духам».

–Прекратить огонь, 71-й, 85-й вперед! Режьте их там всех за наших ребят.

Когда эти два взвода вернулись, начали рассказывать. Собственно, добивать-то там никого и не пришлось. Разгромленные «сушилки», где был их штаб. Части человеческих тел, ну, ног там, руки, кишки на деревьях, такое все. Наша артиллерия хорошо поработала. А время-то обеденное. Сели немного перекусить и снова в той стороне, куда ушла девятая рота, началась стрельба. «Духи» их подкараулили.

–«Нулевые», вперед!

Они добивали наших ребят почти в упор.

–Ребята, прощайте. Все равно мне не выжить, обе ноги перебиты. Не успокаивайте меня, я знаю, что берцовые кости перебиты. Прощайте.

Выстрел – это застрелился солдат.

* * *

Наконец-то выбрались из этих виноградников. Впереди бой, от батальона остаюсь всего три взвода: два – седьмой роты. Андреевский один взвод и группа управления. Подошли к какому-то кишлаку, в эфире крик стоит, мать-перемать.

–«81-й», за мной! – скомандовал Андреев.

Не успели пройти буквально и ста метров.

–«07-й», я «74-й*», старший «74-го* – «0-21-й*».

Что?

–Старший «74-го» – «ноль двадцать первый*».

Это был Андрюха Борисов. «Черный день* – 26 октября 1982 года. Погиб лучший друг Андреева. Может, и его судьба такая же?

Где-то в деревушке Березово захудалого Медведевского района какой-то захудалой Марийской республики, хотя для Андреева самая лучшая, живет бабушка и ждет своего внука, а мать – сына. И перед ее домом действительно растет береза.

* * *

Он лежал очень тихо, как будто бы уснул. В левом виске маленькая дырочка. Справа, за ухом, выходное отверстие. Снайпер, сволочь. А ведь Андрея тоже ждали в Новосибирске. Его сгубило то, что маскхалат у него был новый, фонарик еще, белого цвета на груди. Вот его и выцелили.

* * *

Когда кончится день? День как целая жизнь. Уже стемнело. Всех вытащили, пошли к бронегруппе. Впереди Саша Кузнецов со своей группой, в центре – седьмая, девятая рота с ранеными и убитыми, замыкающим – Андреев с остатками роты. Пара длинных очередей, взрывы гранат, снова тишина. Еще и луны нет.

–«07-й», я «71-й», – вызвал ротную Кузнецов. – Пару «духов» тут прихватил, из пулемета нас обстреляли. Что делать-то с ними?

–Сам не знаешь что? Отправь в «Кабул».

–Да знаю. Впрочем, бойцы и без меня постарались, ножами. Как долго идти? Казалось, что эта «зеленка» никогда не кончится. Батальон перешел с десятков арыков, перелезли кучу дувалов, а конца нет. Ночь – хоть глаза выколи. А в мыслях видится: улица и деревне, курочки гуляют. Даже смешно, в Березове первым автомобилем был мотоцикл. Эго Серега Оленев, женившись на Люське, купил «Яву». Вот и раскатывал. В глазах уже видится бред какой-то. Хочется просто упасть. Тут сзади еще какой-то недобитый «дух», есте-

ственно, стреляет.

Фуркат, добей его. Не хочу шевелиться. – сказал Андре-
еву зам комвзвода. Короткая очередь – и тишина.

*Слева направо: А.Калако» (и.Красногорск, Марий Эл), |
А.Борисов | (г. Новосибирск) и А.Андреек (г.Йошкар-Ола). 2!
октября 1982 г.*

Наконец-то звук моторов, ракеты. Это бронегруппа подо-

шла. Хоть бы не стреляли что ли, а то своих положат. Дальше все в тумане. Андреев даже есть не стал, а покушать было что: такая шурпа, рисовая каша с мясом, кофе, чай, овощи, что душе угодно. Да. – Сан Саныч постарался (это комбат). Вздрючил нашего пом- хозввода.

Светает, товарищ лейтенант, вас к комбату, – сказал боец. «Черт возьми, не мог дожидаться, когда выплусь», – подумал Андреев.

Все. Приехали. Теперь понятно, что такое операция. Заправились, помылись. Началась обычная будничная жизнь. Как доехали до бригады, Андреев смутно помнил: вроде на площади стреляли, вроде где-то на перевале, вроде батальон отвечал, а может, и нет. Все равно, получил первый боевой опыт. Два дня отсыпались. Дневальных поставили из других подразделений, все смертельно устали. Даже на третий день у бойцов были желтые мешки под глазами.

А где-то была другая жизнь: рестораны, концерты, кино... Кто-то вообще в армии не служил, кто-то забывался в одурманивающем тумане наркотиков.

Управление 8-й роты (слева направо): мл. с-т Переверзев, ряд. Реяякин, с-г. Всгохин, л-т Андреев и мл. с-т Киянбеков.

СВАДЬБА-ПЛЮС

Толик Попов женился, вот умора. Стоит в очереди на таможне. Впереди какая-то девушка. Очередь большая, надо же о чем-нибудь говорить.

Барышня, Вас как зовут?

Фекла. Что, не нравится?

Да мне все равно, – сказал Толик.

Прошли таможню, то есть таможня дала добро. Ньюанс, конечно, был. Толика проверяла женщина, Наташу – мужчина. Толик, как всегда, с невозмутимым выражением лица, хоть кол на голове теши. Наташка перепугалась. Вот её и замели. А узбекская таможня дотошная. Куда-то увели. Наверное, в интимный орган заглядывать. Вернулись. Таможенники проискали всю сумку. Ничего нет. На ней лица нет, все в подтеках от туши, помады. Наверное, было неприятно.

Как-то рассказывали в бригаде: при таком досмотре даже в интимные органы заглядывают. По слухам, будто пачку «баксов» нашли. Каково это женщине? Все, летят. Неприятности позади, позади таможня. В конце концов выяснилось, что за эти 30-40 минут полета плюс время в «отстойнике*» они успели разговориться. И до чего?! До свадьбы!

Девятое мая – День Победы. И именно в этот день к Толику приехал «заменщик*», и он женился. Дай Бог ему счастья. Все равно нужно помнить мудрецов:

О невежда, вокруг посмотри, ты – ничто...

Счастье – это не то, чем владеешь, а то к чему стремишься, что достигаешь.

Да! Вот это свадьба. Такой ещё никто, наверное, не видел. Зеленый, железный БТР-70, весь блестящий (его за день до свадьбы лаком покрыли), украшенный, как полагается, цветами, ну еще и разной мишурой. Невеста, уже в беленьком шелковом платье, кстати, из японского материала, и поши-

ва той же страны. Ростом малюсенькая, как статуэтка, волосы белые, синие синие глаза. Ну, а наш лейтенант при таком случае надел парадную форму. «И на груди его могучей одна медаль висела кучей», – сказал кто-то из мудрецов. Правда, у Толика был орден Красной Звезды. Ну, это не имеет значения: «железяка* есть «железяка».

Подъехали к Посольству СССР. Все как полагается, охрана наша и афганская и прочие атрибуты. Пустили только молодоженов и свидетелей. За какие-то полчаса – час все оформили и «аля-улю, гони-гусей». Зато какое брачное свидетельство! «Посольство Союза Советских Социалистических Республик», фирменный бланк с огромной печатью. Провожал новобрачных лично посол СССР. Залп ракет, крики, поздравления – и поехали. Застолье организовали прямо в ресторане Амина (был такой руководитель государства Афганистан). Красивейший дворец на горе, с бассейном во дворе. Ну, а дальше, сами знаете. Лей-пей-гуляй. Правда, одно происшествие гам случилось. Когда после N-ой рюмки пошли покурить, «духи» начали минометный обстрел. Кто – куда, но большинство в бассейн попрыгало. И правильно. Американские мины, хоть и выглядят эстетично, все же об воду не взрываются. Так все и смеялись после каждого взрыва где-то там на берегу. А потом менялись минами друг с другом – у кого красивее.

Вот так «теряли» друзей. Одним холостяком стало меньше. А ведь клятву давал: никогда, ни за что, в общем, не мо-

жет быть.

* * *

Бредут – идут, а «зеленка» все не кончается.

–Товарищ лейтенант, время обеда.

–Потерпите. Видишь, арык ещё в сторону не повернул.

Вон перед тем кишлаком привал сделаем, если на засаду не нарвемся, – ответил лейтенант.

А вокруг цветы, виноградники, гранаты на деревьях! Правда, в арыке вода мутная. Ну, ничего, мы и такую пили. Вот Баранчик пробежал. Это ящерица, вроде крокодила. Кого-то пытался атаковать «фаланга*» с его резким пицанием. Это паук, величиной с кисть взрослого мужчины, после его укуса поднимается температура под сорок градусов, ну и, наверное, больно.

Залп. Казалось, со всех сторон. Замполитроты по ВДП Серёгу Алейникова бросило в арык. Оказалось, пуля в голову попала.

Дальше ничего не понятно. Пули, крики, взрывы гранат, конечно же, русский мат. Мамед Алиев, командир взвода, орет:

–Сатрединов, ГП-шками огонь, Исаев – из пулемета!

Пошли взрываться мины. Да, сейчас не спрячешься.

–Орлы! За мной! – крикнул Мамед. Тут же бросился вперед. Добежало до «духов» три человека. Мамед получил свою пулю одним из первых. А дальше – ножи, приклады, в

конце-концов зубы... Двадцать три человека, двадцать три жизни. Полегли почти все. Раненых «духи» просто резали. Серегу Алейникова спасло то, что его пулей в голову сбросило в арык и сильное течение отнесло подальше. Правда, полбашки не стало. Заменяли эту часть черепа пластмассой. Солдат Сатрединов подорвал себя. Исаеву отрезали голову. Ротарь насквозь прошил из пулеметов, но самое главное – остался жив.

* * *

Снова рейд. В принципе, обычное дело, работа. Петька Дрозд, командир головного дозора, лейтенант, как обычно, нарвались на засаду. Один боец убит, второй ранен и, судя по всему, тяжело. Основная группа осталась за высоким дувалом. Впереди – мелкий виноградник, дальше – поле, где лежит убитый, а раненый орет благим матом. Вроде недалеко. После виноградника, но полю, метров пятьдесят.

– Кто пойдет? – спросил Дрозд. Все молча спрятали глаза. Кому охота идти на верную гибель?

– Баймульдин, за старшего. И приготовь несколько человек, чтобы через дувал принимали (имелось в виду тела).

И он пошел, точнее пополз. Нет, лучше будет сказано – пошел в своей последний путь. Мигом через дувал, перебежками по винограднику. А кругом все взрывается, пули шелкают. Особенно один «дух» старался «поливать» из ППШ-а. Самый противный звук. Как будто мыльные пузыри лопают-

ся, только звук нужно увеличить в тысячу раз. Бойцы быстро сбили его, то есть «духа». Открыли огонь на полную мощь. Первым Петька вынес убитого, до раненого было далеко. Потом раненого. Протащил по полю, затем по винограднику, перекинул через дувал, крикнул: «Принимайте!» А затем при прыжке через дувал – пуля в голову. Это был Петр Петрович Дрозд.

В небольшом поселке Каскелен Алма-Атинской области его ждали отец и мать. Орден – посмертно. Да кому он нужен – железка хренова.

* * *

Океан, состоящий из капель, велик.
Из песчинок слагается материк,
Твой приход и уход – никому не заметен,
Просто муха в окно залетела на миг.
И это было написано в тринадцатом веке.

* * *

Однажды танкисты поймали варана – малолеток был ещё. Это такая штука, вроде крокодила, только бегаёт по пустыне, а не плавает в воде. Морда тоже похожа, цвет тела желто-серый. Назвали Васькой, обычная кличка. Правда, 80% роты были мусульманами: узбеки, таджики, туркмены, киргизы, каракалпаки, казахи, дагестанцы, хотя нет такой нации. И, честно говоря, всех национальностей батальона не помню.

Любое животное любит ласку, в том числе и человек. Приласкали его, кормили верблюжьим молоком, мясом, саранчой, еще чем-то. Сшили из овечьей шерсти ошейник, поводок, на прогулку водили. Сначала Вася спал на солдатской кровати, потом – возле входа в палатку, на коврике. Ни одна фаланга* в палатку не забегала. Запах чуяла. Говорят еще, что если овца ее съест, то будет тучной и жирной. Поэтому у входа в каждую палатку лежала веревка, сплетенная из шерсти овцы.

Немного погодя Ваську стали водить на обед в столовую, правда, на поводке. Идет рота на обед – один из бойцов ведет его сбоку. Ел все подряд. Очень был ласковый к человеку. Правда, язык у него был неприятный, шершавый, когда целуется. За какую-то пару месяцев сильно к нам привязался. Когда отпустили, было очень жаль расставаться. Он еще после этого в назначенный час в течение двух-трех месяцев каждый раз приходил в солдатскую столовую кормиться и именно на обед, как будто у него были часы.

Глава третья

ПУСТЫНЯ

Январь 1983 года. Начальство решило: без потерь проводить колонны, один батальон нужно вывести в пустыню. Затем расставить блокпосты вдоль трассы и при сопровожде-

нии колонны блокировать дороги В сущности, разумное решение. Как всегда, третий батальон – «Вперед!» Собрали манатки, оружие, боеприпасы, погрузили кровати, палатки, остальную ерунду и поехали. Только теперь нас сопровождали. Прошли всю трассу, наконец-то съезд с бетонки. Дальше – одни. Заехали в центр пустыни. Вроде бы здесь разбить постоянный лагерь лучше всего: с юга – бетонка, за ней – «зеленка», с севера – горы, с востока и запада – пустыня. Правда, на востоке имеется кишлак Киш- кинахунд. Там живут какие-то «бабай», только воюют за нас. На север, за черным хребтом, снова кишлак – пуштуны, нейтралы. Все, вот и приехали.

– Эрданаев, выгружайтесь. Спать будем в машинах, – приказал Андреев.

*Пустынный батальон (слева направо): Л.Андреев, Шурик
Липанников и Леха Никулин.*

Есть.

Еще, начинайте ставить палатки. Только сначала место почистите и окопайте. Балтабаев – позаботиться о пище.

Странно все это. Балтабаев – внештатный повар, награжден орденом «Красной Звезды». За что? О! Это отдельная история.

Рота как-то шла по пустыне в какой-то кишлак. Время обеда. Война – войной, а обед по распорядку. Расположились, как положено. Покушать решили. Ан, нет. Как врезали им по первому по первое число. «Духи» хорошо воюют, когда их поддерживают «наемники». Буквально вторая мина попала в котел, где все варилось.

«Наливай», – сказал Серега. (Ст. л-т Антонов).

«Наливай», – сказал Серега. (Ст. л-т Антонов).

Командир второго взвода 8-й роты 3-го МСБ(г) лейтенант Андреев.

Командир второго взвода 8-й роты 3-го МСБ(г) лейтенант Андреев.

Балтабаев, как одержимый, кинулся на «духов», даже автомат не взял. Результат – зарезал двоих, а одного прихватил живым. Правда, немножко живым, то есть не совсем мерт-

вым. По харе получил «дух» на всю катушку. Заслужил.

* * *

Прошел месяц. Вроде вчера это было. Отстроились. Смешно даже. Деревья вытащили у «духов» прямо из под носа. Вообще даже красиво в пустыне. Особенно ночью. Абсолютная чернота и яркие-яркие звезды. Хоть художником становись. Ну, что? Задачи прежние плюс, как всегда, рейды. Тут еще начальство распорядилось: при всех боевых рейдах носить бронежилеты. Однажды Андреев надел его в рейд. Весит он примерно килограмм двенадцать. Так после этого рейда, длящегося десять дней, он проклял все на свете.

Снова сопровождение. Настроения никакого нет. Рога подошла к горке возле поселка Синжарай. Ждут команду «Вперед». Гаубица и танк обрабатывают «зеленку», колонна стоит. Андрееву так плохо, что хочется куда-нибудь лечь в ямку и спрятаться там навеки.

Предчувствие какое-то. Но он же офицер. На него бойцы смотрят. Трусить не имеет права. Слово трусость – философское понятие. Сродни страху. Только есть понятие – бесстрашие, то есть антоним этого слова. Не бывает людей бесстрашных, нет и трусов. Каждому страшно, когда впереди тебя ожидает смерть, а то и похуже. Просто мужчина, если он настоящий мужчина, в определенную минуту должен делать то, что от него требует долг, а не поддаваться своим чувствам.

Вот раздается команда «вперед» (как надоело это слово). Всё, поехали. Андреев оглянулся назад, а там все бойцы без бронежилетов.

– Ё..., всем надеть «броники*». Байрамов, тебе не понятно? Залибеков, обороты *. Загренко, пулемет вправо.

Бойцы шевелились, как подстегнутые. Слева мелькнул какой-то «бабай», но это был лишь отвлекающий маневр. Буквально через пятьдесят метров – вспышка справа: гранатомет. Граната, слегка вращаясь, пролетела перед смотровым стеклом БТР-а. Пронесло.

Живая вода в пустыне – арык.

-«08-й», я «85-й»!

-На приеме.

-От красного дыма справа по ходу движения засада!

-Понял.

-Красный дым на самом деле не красный, а оранжевый.

Это лейтенант бросил через открытый люк НСП* оранжевого дыма. А красным он называется по привычке. Дальше понеслось. Там, где была засада, живого места не осталось. Колонна по выставлению блокпостов понеслась дальше. -«Сволочи, замучить меня хотят! Не получится», – думал Андрейев.

Проскочили «точку*» третьего взвода, затем первого, яму в бетонке, оставленную фугасом, остановились. Пошли саперы. Смертники – одно слово. Идут в полный рост по возвышающейся над «зеленкой» дороге.

* * *

-К машине, по местам! – скомандовал замкомандира взвода.

-Караджаев, Байрамов, на третью точку. Перепелин со своими в сушилку. Остальные в домик. Дальше сначала ругань, затем – тишина. Пехота разбежалась по своим местам, минометчики развернули свою «машинку*. «Броня – 21» дал один «огурец» для острастки. Куи установил гранатомет АГС – 17*. Словом, все как обычно.

–«08-й», я «85-й».

–Слушаю.

–Я на месте.

–Понял.

Прошла одна колонна, рота ждет вторую.

–«08-й», подходит вторая «ниточка*», уже вышла на «ленточку*». Остановить все «бурбыхайки*».

–Самсонов, – крикнул лейтенант, – тормози всех проезжающих.

–Есть, товарищ лейтенант, – ответил Самсонов.

Отличный парень. Был ранен, но вернулся в строй и отслужил свои два года в Афгане. Остановили несколько грузовиков и автобус. Мужчины вышли, а женщины остались. Все мужчины перешли на другую сторону дороги. И тут началось. Женщины, смотря в окна автобуса, открывали лицевую часть паранджи*, то есть лицо. Ведь им и так было все видно. Что ж поделаешь. Любой женщине хочется быть обязательно красивой, чтобы её обожали мужчины. Но как можно показать свою красоту, если ее закрывает паранджа?

* * *

Время обеда. Что поделаешь? Война войной, а обед – по распорядку. Как обычно, Андреев начал обходить все свои «точки», где залегли бойцы. Мало ли, может быть, спят.

–Байрамов, что это?

–Не знаю, товарищ лейтенант.

–В полуметре от костерка, где подогревалась перловая каша, три малюсеньких штырька.

Так, всем отойти за стенку! – приказал лейтенант.

Осторожно раскопав мягкую землю, почти песок, Андрей увидел головку взрывателя. «Понятно, мина», – подумал взводный, хотя ни разу в жизни боевых противопехотных мин не видел, только макеты в училище. Как сё снимать? Как разминировать? «Есть самый простой способ*», – озарило лейтенанта. Он отошел за стенку, прицелился из автомата, и взрыватель вышибло пулей. Потом подъехал ротный с саперным офицером. Как положено, по науке, сняли эту мину, оказалось, американского производства. Ее называли «лягушка»: выпрыгивает на 70-80 см и взрывается.

Сели пообедать – взрыв. Там же, где сняли мину. Все бегом гуда. Выносят Байрамова, Караджаев сам вышел. Не зря взводный заставил надеть бронежилеты. У Караджаева один осколок в ноге, один в щеке. У Байрамова все ноги посечены. Без «броников» – смерть. Оказалось, еще две гранаты РГД-5 стояли на «растяжке».

Здесь ристалище смерти, дорога невзгод,
Путь для тех, кто всегда лишь на вере живет.
Благородному надобно быть командиром,
Чтоб бродягой идти без опаски вперед.

КАПИТАН ФИЛИППОВ

Олег Филиппов, капитан, командир взвода, был лучшим другом Андреева. Правда, не всегда он был командиром взвода. Приехал он из Германии. В те времена была еще ГДР. Был назначен командиром роты первой ДШР*. Приступил к исполнению служебных обязанностей. Проходит месяц, и у него из роты два бойца убегают к «духам», прихватив с собой автоматы. Потом, конечно, выяснилось, что они захотели сладкой жизни в Америке. В 1985 году про них даже статья была в «Комсомольской правде». Якобы они попали в плен, были переправлены в Пакистан, оттуда в Англию. Затем в Англии сбежали из плена, пришли в Советское посольство и были отправлены на Родину. После этой

Командир 3-го взвода 8-й роты 3-го МСБ(г) ст. л-т Олег Филиппов.

Командир 3-го взвода 8-й роты 3-го МСБ(г) ст. л-т Олег Филиппов.

Блок-пост Олега.

статья бригада чуть не взбунтовалась. А дальнейшая их судьба плачевна: один повесился, второй пришел в военкомат и стал требовать себе льготы, только и он потом куда-то сгинул. Имена их – Рык и Хлапов.

Это было первое звено в цепочке невзгод у Олега. Как полагалось в те времена, Олега сняли с должности и перевели в восьмую МСР (г)* взводным.

Колонна остановилась возле моста. Арык, дамба, его перекрывающая, и кириз*, куда стекал бурный поток воды. Мурат Иброев, замполит девятой роты, решил искупаться.

– Бойцы, за мной, – крикнул Мурат, раздеваясь.

Все кинулись купаться. Крики, смех, шум. Как приятно в такой жаре окунуться в прохладную воду! Неожиданно для всех Мурат пошел к киризу. Резкий вскрик и тишина. Олег бросился на голос и понял, что Иброева утащило в кириз, под землю. Крикнув бойцам, чтобы искали и несли веревки, Олег положил автомат на землю и нырнул в эту подземную глубину кириза. Часть бойцов осталась на берегу для страховки. Вот нырнул и вынырнул Олег, что-то крикнул и снова скрылся. Видно, не хватало сил преодолеть течение. Прошли пятнадцать минут, тридцать, час, а Олега все не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.